

НЕБОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в городе Коростень (Украина). Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Служил в Советской Армии, работал электриком, грузчиком, сборщиком шин, редактором отдела прозы журнала «Подъём», главным редактором журнала «Воронеж». В настоящее время вновь редактор отдела прозы журнала «Подъём». Член Союза писателей России, автор 10 книг прозы. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Москва», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Гостинный Дворъ» и др. Лауреат премий «Кольцовский край», VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», награждён медалью «М.В. Ломоносов», золотой медалью В. Шукшина. Дипломант XII Международного литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Дорога к храму». Живёт в Воронеже.

Заведующий кафедрой самолётостроения Воронежского университета профессор Георгий Владимирович Шаталов родился на Украине в конце сороковых. Тогда там в самом разгаре была борьба с бандеровцами, и его отец Владимир Шаталов, командир эскадрильи штурмовиков Ил-2, каждый день вылетал на бомбёжку укрывшейся в западенских лесах украинской повстанческой армии.

Отметить своё семидесятилетие Георгий Владимирович готовился, когда в тех краях опять начались сражения, но теперь уже с нынешними сторонниками Степана Бандеры: в ответ на многолетний, с 2014 года, смертоносный обстрел Донбасса Россия вынужденно объявила о начале специальной военной операции на Украине.

Через неделю его дочь Маша вместе с мужем Костей Гребневым, не советуясь, молчком уехали в Казахстан. Кажется,

в Уральск, да ещё на такси за 40 000 рублей, чтобы миновать пробки на границе. Кажется, потом они рассчитывали перебраться в Грузию.

Такой международного масштаба кульбит никак не укладывался в голове Шаталова, но кто бы его послушался? Между прочим, об этом их головокружительном решении дочь объявила эсэмэской уже с той стороны казахстанской границы. «Папочка, не падай в обморок. Покойная мамочка нас бы поняла, постарайся это сделать и ты. Мы уехали из России. Мой милый Костик никак не желает променять меня на окопную жизнь. Потом же, папочка, от войны подальше рожать мне будет спокойней, — попыталась как-то по-человечески оправдаться Маша, которая уже была на пятом месяце. — А Костику всё равно, в какой стране работать. Хоть на необитаемом острове. Он же айтишник!»

«Вы поставили меня в весьма нехорошее положение своим бегством!» — тревожно написал Георгий Владимирович.

«Мы молодые люди! Мы по-своему видим этот мир! И имеем полное право ехать, куда пожелается!» — дерзко ответил за жену Костик.

«Молодость не порок, но чересчур быстро излечивается...» — только и нашёлся, как отозваться, Георгий Владимирович.

Однако увещевания явно не подействовали. Как в Лету канули.

Весь следующий день Георгий Владимировича не оставляло обострённое ощущение, что он все свои немалые годы двигался в одном направлении по некоей исторической ленте Мёбиуса. И теперь, из-за такого странного беспшабашного отъезда дочери, он словно каким-то загадочным образом оказался в начальной точке своего непростого путешествия длиною в жизнь. Это было более чем неприятное, даже, откровенно говоря, тревожное и весьма болезненное ощущение напрасности всех своих прошлых и нынешних дел и помыслов.

Как-то в конце мая две тысячи двадцать второго года Георгий Владимирович, открыв дачный сезон, заметил, что на расположенном здесь недалеко военном аэродроме чаще обычного стали взлетать знаменитые сверхзвуковые «сушки»-бомбардеры и брать курс в одном и том же направлении. В каком, догадаться было нетрудно. Они с равным интервалом, один за одним, с каким-то неземным апокалипсическим рокотом турбин, сурово продавливали небо у него над головой.

Со строгим волнением глядел им вслед Георгий Владимирович. Памятуя, как в детстве летом по выходным в любую погоду, бывало, ездил на трамвае к этому же аэродрому и устраивался в одной из воронок, оставшихся здесь после боёв в Великую Отечественную, — и ждал возвращения самолётов с полигона,

слушая небо, жаворонков и сусликов, ныне безвозвратно исчезнувших. Тогда на этом аэродроме стояли совсем другие самолёты: длинноносые «двадцать пятые» Яки — всепогодные истребители-перехватчики — и фронтовые бомбардировщики Ил-28.

Когда они, идя на посадку, проносились над Жориком чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, он приветствовал самолёты неистовыми аплодисментами. Ничего удивительного. Жорик мечтал стать лётчиком-истребителем. Очень мечтал. В аэроклуб ходил, уже научился парашют укладывать. Да быстро вырос. Ивширь, и ввысь, явно более чем полагается для пилота «ястребка».

Глядя сегодня на эти совершенно уникальные машины, Георгий Владимирович невольно испытывал самый настоящий стыд за своё отстранённое, укромное место в стороне от боевых событий.

Вернувшись домой, он не сразу включил на компе «Новости». Только после второй рюмки коньяка, вроде как снимавшего напряжение, вызванное тем, что он, когда-то служивший в армии человек, старший сержант запаса, сейчас сидит мякина мякиной в кресле, в то время как там, на передовой, парни гибнут, сдерживая неонацистов, жаждущих уничтожения всего русского, а прежде всего самих русских. Он ещё вполне способен держать

оружие в руках. Так сказать, готов к труду и обороне. Да только кому ты нужен, дед...

Когда на мониторе появлялись лица командиров нынешних бандеровцев, всякий раз Георгий Владимирович сурово вглядывался в них. Он надеялся увидеть в этих людях скрытое, пусть подспудное, но раскаяние за те ракеты, снаряды и мины, что день за днём летят с их стороны на головы мирных жителей Донбасса, Луганска или, как вот теперь, — ещё и российских сёл на курских, белгородских и брянских землях. А главное, он надеялся увидеть в этих людях идею, которая заставляла их так безбожно поступать. Но всякий раз это были физиономии пацанов из тусовки в каком-нибудь провинциальном затрапезном баре, иногда разъярённые, иногда пофигистские, часто хулигански-нахальные, но никак не лица защитников высших духовных принципов, борцов за правду. Героическое начало в них напрочь отсутствовало. Даже не было и черты хотя бы того развязного гегемонного высокомерия, которое вызывала у когдатощних гитлеровцев наглая убеждённость в своём арийском расовом превосходстве над всеми иными народами.

При всём при том Георгий Владимирович вполне понимал, что его нынешнее желание быть сейчас на Украине вместе с нашими бойцами не более чем самообольщение, чуть ли не самая

что ни на есть напыщенная рисовка перед самим собой.

Шаталов сдержанно усмехнулся, представив, как бы на самом деле могло выглядеть его появление в военкомате с просьбой об отправке в зону спецоперации. Его там, скорее всего, приняли бы за выжившего из ума старикашку, самолюбиво тешащего себя псевдофантазиями. А взяв в руки его военный билет и перелистав, сотрудники военкомата, как говорится, попадали бы от смеха. С первого взгляда всё было в нём как бы вполне нормально и соответственно. Но на двенадцатой странице военно-учётная специальность Георгия Шаталова обозначалась так: начальник библиотеки. И это соответствовало действительности: он реально служил библиотекарем полкового офицерского клуба и до сих пор даже помнил из той своей солдатской жизни одну сугубо политическую акцию: как-то командиру полка, батю, сверху было велено в карточках всех читателей, коих имелось на то время в полковой библиотеке не менее тысячи, срочно проставить, как прочитанную, книжную трилогию генсека КПСС Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Целина» и «Возрождение», а также провести по этим произведениям с должным размахом читательскую конференцию. Эта задача была подготовлена и выполнена рядовым Шаталовым в сжатые сроки за

несколько бессонных суток. Каково же было через двадцать лет услышать ему от директора их университетской библиотеки (уже при Горбачёве и Яковлеве), что эти книги Леонида Ильича велено до последнего экземпляра тайно уничтожить.

Однако высший комизм библиотечной «одиссеи» Георгия Владимировича заключался в другом: в его военном билете в разделе «Заключение командования части об использовании в военное время» стояла загадочная запись: старший библиотекарь. Не больше и не меньше. Но кому понадобится на передовой этот некий старший (!) библиотекарь?

«Если припрёт, так мне лишь одна дорога светит — в партизанский отряд!» — посочувствовал сам себе Георгий Владимирович.

Георгий Владимирович поставил перед собой портрет отца в лёгкой военной форме давних пятидесятых лет. Того самого времени, когда отец уже был начальником штаба Липецкого авиаполка. Шаталов долго, сосредоточенно смотрел на знакомый профиль. Года три назад, до ковидной пандемии, он прошёл с этим портретом, украшенным георгиевской ленточкой, в бесконечной плотной толпе Бессмертного полка по воронежскому проспекту Революции. Взгляд отца на снимке сосредоточен и спокоен. Это взгляд офицера, достойно исполнившего свой воинский

долг и отчётливо сознающего, что жизнь его имеет высший смысл.

Среди ночи дерзко, неприлично напрягая всё и вся, вдруг прозвенел телефонный звонок. Пока Шаталов замедленно соображал, что и к чему, пока до него, наконец, дошло осознание необходимости встать и ответить, ибо ни с того ни с сего в столь позднее время не тревожат людей, телефон, словно с мстительной обидой, замолчал. Мол, можете теперь не дёргаться, хотя я знаю, что сна у вас не будет до самого утра.

И всё-таки звонок повторился. И был на этот раз более смирным, почти покладистым, точно одумался, осознал, каково сейчас тем, кто слышит в ночи его разяще бьющую во все стороны дробь.

«Неужели с Машей случилось что-то нехорошее?!» — спотыкаясь, теряя на ходу тапочки, мохнатые, словно некие живые существа, горячечно думал Георгий Владимирович.

Ему показалось, что он не идёт сейчас по дубовому паркету квартиры, а, как в детстве, в своих валенках с блескучими чёрными галошами, раскорячившись на полусогнутых, летит куда-то вниз, в тёмный неведомый провал по ледяному ухабистому склону горы в городском парке.

— Слушаю... — надрывно прохрипел Шаталов в трубку.

— Папа, что с тобой? — услышал Георгий Владимирович

строгий, требовательный голос дочери.

— Всё в порядке, доча, это я спросонья едва не подавился собственным языком...

— Глупости не городи! — отчётливо сказала Маша. — Тебе бы наши проблемы!

— Я вас туда не посылал.

— Знаменитая фраза. Не помню чья. Только из-за таких, как вы, неудачливых строителей мифического светлого будущего мы вынуждены искать счастья на чужбине! — голос дочери зазвучал исключительно строго. — Тебе надо сейчас немедленно ехать на нашу квартиру.

— Не понял...

— Мы закрутились с отъездом и в суете забыли пристроить кому-нибудь нашего Джека!

— Ничего себе!

— Теперь Джек своим беспрестанным несносным воем поставил на уши весь дом! Нам позвонили: соседи хотят взломать дверь и убить моего любимого пёсика! Мерзавцы! Бедный Джек!

Георгий Владимирович затих, как при внезапном сердечном сбое.

— Ладно, еду... — тихо проговорил он. — Только куда я потом дену вашего Джека?

— Не чуди, папа! — взвизгнула Маша. — Ты, слава богу, держал в своей жизни собак пять или шесть. Я помню, ты рассказывал.

— У меня их было всего три, — вздохнул Шаталов. — Легавая,

пудель и самая любимая — Аманда, сенбернар.

— Вот-вот... Так что сам справишься с Джеком. Он такой милашка! Я его очень люблю! Кстати, мы уже не в Казахстане, а в Тбилиси. Сняли прекрасную квартиру с видом на Казбек!

— То есть вы возвращаться не собираетесь?

— Мы хотим для нашей семьи благополучной цивилизованной жизни. В России это невозможно.

— Волна новой эмиграции? Или банальное предательство? — построжел Георгий Владимирович. — А как же дым Отечества? Как известно, на чужбине счастье невозможно.

— Оставь свои просоветские агитационные причитания для психов! — хмыкнула Маша. — Интернет сделал единым домом всю нашу планету. Пока, милый папочка. Я и Костик идём ужинать в ресторан.

И добавила тихо, почти заговорщицки:

— Ты только, как в квартиру зайдёшь, не пугайся...

Георгий Владимирович напрягся:

— Я что, не знаю, как с собаками надо обращаться? К тому же ваш Джек всего-навсего трёхмесячный щенок! Какие проблемы?

Таксист всю дорогу сбивчиво говорил, сколько его друзей суматошно «рванули» на Запад, а кое-кто так даже во Вьетнам, чтобы не попасть под частичную мобилизацию.

Только было непонятно, он им сочувствовал или осуждал?

В любом случае Георгий Владимирович первый раз в своей постстуденческой жизни не заплатил таксисту свыше тарифа. Ну вот не захотелось!

Подходя к тому самому дому (вполне приличной свежей панельке с бодрой сине-бело-зелёной расцветкой стен), в котором ещё недавно жила в съёмной квартире его дочь с этим шустрым не в меру Костиком, Шаталов строгим, даже сердитым взглядом нашёл их окна на неблизком тринадцатом этаже. И неожиданно сделал для себя достаточно убедительный вывод: никакого истошного лая Джека не было и в помине. Ни лая, ни подвывания, ни скулежа.

Георгий Владимирович уже было хотел вернуться восвояси, но разумно передумал. «Всё же надо подняться. Мало ли что?»

Его решение не смог поколебать даже тот факт, что здешний лифт, увы, не работал. Так уж почему-то у нас водится именно в новых домах. То лифт здесь намертво станет на месяц-другой, то воды неделями нет, то мусоропровод на замок закроют или вовсе заварят его люк корявой змейкой наскоро наложенного шва.

Прежде чем начать своё малоприятное альпинистское восхождение на достаточно высотный для него этаж, Георгий Владимирович ещё раз бдительно прислушался. Да, Джека не слышно.

Зато со всей звуковой очевидностью некие жильцы отчаянно и гадко ругались, сопровождая свои изысканно матерные крики судорожным грохотом непонятного происхождения. Одним словом, невидимые миру слёзы лились ручьями за окрашенными в весёлые тона подъездными стенами.

На седьмом этаже Георгий Владимирович долго стоял, прижавшись плечом к стене.

И вот, наконец, он возле квартиры, в которой ещё два назад жили Маша с Костиком. Джек явно безмолвствовал. Не скулил, не скрёбся лапами в железную дверь, какой самое оно закрывать вход в убежище, рассчитанное на прямое попадание атомной бомбы.

Георгий Владимирович из последних сил машинально позвонил в дверь и уныло усмехнулся. Никаких эмоций со стороны Джека опять-таки не последовало.

Тем не менее, когда он с третьего, вернее, даже с пятого раза наконец заставил ключом сработать непривычный замок с разными особыми секретамы, Шаталов увидел перед собой то, что менее всего ожидал. Вернее, вовсе не ожидал. И ни при каких усилиях своей достаточно богатой профессорской фантазии додуматься до подобного казуса не мог бы.

В коридоре перед ним с Джеком на руках стоял человек, явно молодой. Джек, коричнево-белый щенок французского

эпаньоль-бретона, лежал в какой-то странной позе. Притом ещё и неестественно оскалившись.

Джек обычно встречал Шаталова вёртко, со счастливым визгом. Он столь стремительно нырял ему под ноги, прыгая то спереди, то сзади, что Георгию Владимировичу невольно казалось, что его встретила не одна собака, а целых две или три.

— Добрый вечер... — с трудом проговорил он, словно это были первые слова, сказанные им в этой жизни. — Хотя какой он, к лешему, добрый. Кто вы, юноша?

— Это мой самый мерзкий день... — судорожно, почти детским голосом отозвался молодой человек и всхлипнул, икнул и снова всхлипнул.

Он, кажется, плакал.

Только сейчас Шаталов понял, что Джек мёртв.

Георгий Владимирович побледнел.

— Я сейчас всё вам объясню... — промямлил молодой человек. — Я Гриша. Друг Костика. Ваша дочь тоже хорошо знает меня. Прошу вас, не выдавайте меня, пощадите, пожалуйста...

— Что с собакой?! — требовательно вскрикнул Георгий Владимирович.

От такого напора со стороны Шаталова Гриша невольно отшатнулся в сторону, словно получил самую настоящую увесистую оплеуху.

— Он так громко лаял... —

слёзно проговорил молодой человек. — Я испугался, что дверь могут, в конце концов, открыть или взломать. А я второй день прячусь здесь от призыва... Вот моя повестка.

Он робко протянул Шаталову какой-то истерзанный листок. Тот был весь так странно измят, замусолен, словно его усердно жевали. Вполне возможно, что Гриша безуспешно пытался съесть это военкомовское извещение, призывавшее его исполнить воинский долг. Между прочим, священный.

— Дрянь... — глухо постановил Георгий Владимирович. — Тебя бы показательно расстрелять, да мы в подлый либерализм заигрались. И как только хозяйка квартиры тебе разрешила тут прятаться?

Гриша сдавленно вздохнул:

— Она живёт в Нью-Йорке и квартиру сдаёт по интернету. А Маша мне разрешила здесь отсидеться. Давайте ей позвоним!..

— Пошёл вон... — судорожно проговорил Шаталов.

— Извините... Пёсик так лалял! Мне было страшно. И я зажал ему пасть. Я не хотел его убивать! Так само собой случайно получилось!

— Брысь, смартфонщик плюгавый! Пока я тебе морду не набил...

Оставшись один, Георгий Владимирович заметил в коридоре впопыхах оставленный Машин рюкзак с пристёгнутым

к нему плюшевым талисманом — чёрной обезьянкой.

Вывалив из рюкзака кучу всяких разных женских прибамбасов, он аккуратно уложил в него Джека.

Ему показалось, что Джек был ещё немного тёплый.

— Прости... — сказал тихо, но внятно Георгий Владимирович.

Правда, слёз не было и в помине. Всё, что сейчас происходило с ним, словно заблокировало напрочь его чувствительные рецепторы.

Георгий Владимирович решил похоронить собаку. Кажется, рядом был какой-то заброшенный парк или остатки некоей куцей рощицы.

Самым сложным оказалось найти в Машинной квартире лопату. Молодёжь есть молодёжь. Разыскивая хотя бы нечто похожее на шанцевый инструмент, Георгий Владимирович обнаружил всё что угодно, но только не лопату: несколько старых смартфонов, кошелёк с забытыми в нём пятью тысячами, а также гору импортных пивных бутылок, кучу картонных коробок из-под пиццы и почти полностью сдувшиеся воздушные шарики со смешными, карикатурно перекорёженными рожицами.

В конце концов, Шаталов взамен явно не существующей в этом доме лопаты взял в коридоре вместо неё никелированный железный рожок для обуви. Был тот достаточно длинный и, судя

по надписи на его упаковке, ещё и кованый. Ко всему изготовитель утверждал, что использовал суперпрочный металл.

Шаталов только усмехнулся такому наглому рекламному утверждению.

Через полчаса, когда Георгий Владимирович приступил копать могилку для Джека в здешней чудом уцелевшей рожице, подсвечивая себе фонариком телефона, рожок, как и следовало ожидать, оказался самой настоящей туфтой. Через раз его приходилось выпрямлять с помощью каблука. Правда, хоть в одном Шаталову повезло: оказывается, он, сам того не подозревая, набрёл на самое настоящее, хотя и явно самопальное, кладбище домашних животных. Холмик на холмике бугристо топорщились вокруг на тесной полянке. Почти все могилки были с фотографиями питомцев, а некоторые так и вовсе представляли из себя образцово-показательные захоронения с мраморными плитами и скульптурными изображениями почивших в бозе кошечек, собак, хомячков или ручных крыс. Среди подобных памятников особенно выделялся гипсовый крокодильчик по имени, само собой, Гена.

Дома Шаталов, отсидевшись с полчаса в своём любимом пухлом кожаном кресле и выждав, пока уймётся, наконец, дрожь в руках от старательного копания земли на корточках, помянул Джека

своим любимым «Ноем», удивительно сочетавшим аромат ванили, сосновой смолы и осеннего дубового леса.

Несколько раз он видел этой ночью, как у него под окнами по дороге быстро, сосредоточенно и грозно проходили колонны военных зачехлённых машин. Но особенно впечатлил и взволновал его тяжеловерсно прогремывавший по «железке» примерно в километре от его «хрущёвки» состав из вагонов-платформ с танками.

«Победа будет за нами!» — строго проговорил сам себе Георгий Владимирович.

Начавшийся новый день был однозначно особым: небо раскрылось над Воронежем масштабное, зримо высокое и с какой-то словно затвердевшей, рукотворной синевой. Георгий Владимирович, глядя на всю эту чудесность, помнил, что сегодня 14 октября 2022 года. То есть человечество дожило до шестидесятилетия Карибского кризиса между США и СССР, имевшего место быть в далёком 1962-м, когда два великих государства вышли на грань атомной войны.

Шаталову в ту кризисную пору исполнилось девять лет. День за днём они, дворовые мальчишки, шёпотом передавали друг другу невесть как ставшие им известными секретные сведения про наши подводные лодки и корабли, доставившие на Кубу советские ракеты и ядерные боеголовки к ним.

Как же здорово исполнял тогда в 1962-м молодой Иосиф Кобзон песню «Куба — любовь моя!» «Слышишь чеканный шаг — это идут барбудос; небо над ними как огненный стяг... Родина или смерть! — это бесстрашных клятва. Солнцу свободы над Кубой гореть! Родина или смерть!»

Кстати, именно тогда на школьный двор однажды по самой что ни на есть непонятной причине (поговаривали, будто на металлолом) привезли корпус с настоящего реактивного истребителя МиГ-15, и он простоял там чуть ли не год, невольно стимулируя у мальчишек желание непременно учиться на лётчиков. МиГ тот был явно из серии тех, что ещё недавно успешно дырявили своими пушками американские «Сейбры», «Мустанги» и летающие крепости В-29 в конфуцианском небе Кореи.

С воцарением на школьном дворе серебристо сияющего МиГа пятиклассник Жора, он же ныне профессор Георгий Владимирович Шаталов, целыми днями не вылезал из кабины «ястребка». Уроки нет-нет да и пропускал. Тем не менее, лётчиком, как его отец, он не стал. Природа своё взяла. Она старательно день за днём лепила из Жорика нечто ей самой более от него надобное — заведующего университетской кафедрой самолётостроения, типичного технаря-профессора. Неспроста уже через несколько лет главный инженер воронежского авиазавода

разглядел достойный талант в молодом студенте политеха Георгии Шаталове и привлёк его к сборке первого в мире сверхзвукового пассажирского Ту-144.

Недавно на кафедре настроились отметить новый праздник, День вузовских преподавателей. Обыкновенно Шаталов таким инициативам препятствий не устраивал, а тут как-то весьма отстранённо отнёсся к этой идее. Явно с напряжением.

— Что Вы, дорогой Георгий Владимирович, темнее тучи? Поднимем за наш праздник чашу с добрым массандровским вином, и все проблемы на раз улетучатся! — достаточно изысканно, но определённо витиевато проговорил молодой, но весьма перспективный доцент Антон Смышляев.

Бодро розовощёкий, но определённо в меру, без излишней пылкости, Антон Андреевич с достоинством огляделся по сторонам, как бы ища поддержку в глазах коллег. Он молодецвато поправил на себе стильный короткий пиджак в крупную клетку. При всей своей эффектности пиджак явно был из бюджетной серии.

— Я бы не рекомендовал вам ныне праздничать... — сдержанно отозвался Шаталов на коллективистский призыв доцента. — И не только сегодня. Извините, ход нынешней мировой истории не располагает к веселью.

Смышляев побледнел. Минуту назад он явно чувствовал

себя способным управлять даже колесом истории. Этому однозначно способствовало то, что они с друзьями до возвращения Георгия Владимировича с лекции успели продегустировать пару ёмкостей весьма недурного крымского портвейна «Чёрный доктор».

— Кстати, Георгий Владимирович, а как себя чувствуют ваши детки, днями сбежавшие из России в братский Казахстан подалее от военной спецоперации?! — с резкой разэтакой улыбкой проговорил Антон Андреевич.

Смышляев в своём тёмно-сером пиджаке невольно напомнил Шаталову гранату, из которой выдернута чека. Остаются секунды, чтобы её стремительно метнуть в цель.

Кажется, вся кафедра в эту минуту смотрела на своего шефа и Смышляева. На Георгия Владимировича с явным состраданием, на Антона Андреевича тревожно, с недоумением, так, словно видели этого человека впервые. Не проявили своей оценочной позиции лишь те несколько сотрудников, которые вдохновенно увлеклись замечательным марочным «Чёрным доктором» — им явно не было никакого дела до геополитических страстей. Как, впрочем, и всех иных.

— Прошу извинить меня, Антон Андреевич, — тихо проговорил Шаталов. — Однако вы напросились. И с чрезмерным усердием. У меня нет выхода. Я просто обязан

пойти навстречу вашей настойчивой просьбе. И дать на неё полноценный ответ.

Георгий Владимирович неспешно, вовсе не сильно, но чрезвычайно аккуратно опустил свою ладонь на розовощёкое лицо доцента Смышляева.

— Это рукоприкладство вам так не пройдёт!.. — голосом, переходящим от первоначального вскрика к глухому, неясному шёпоту, произнёс Антон Андреевич. — Свидетелей вашего отвратительного поступка здесь более чем достаточно, милейший! Ждите народного гнева!

Однако тот не состоялся. Более того, сотрудники кафедры, тотчас начавшие один за другим очень неспешно выходить в коридор, посчитали необходимым на прощание со всей очевидностью уважительно пожать руку профессора Шаталова.

Тот отвечал, смущённо недоумевая:

— Я же человека ударил...

— Вы подлеца поставили на место! — раздавалось в ответ.

В итоге Смышляев всему произошедшему хода не дал, более того, он вскоре перевёлся на другую кафедру. Говорили, будто бы Шаталов прилюдно просил прощения у Антона Андреевича, а тот чуть ли не со слезами признался, что вся вина за ним и что его определённо занесло на волне обострённых переживаний за беды, свалившиеся на голову нынешней, усечённой ковидом цивилизации.

Как бы там ни было, Георгия Владимировича днями видели в рамонских Чертовцах. Но привлекли его в это село не тамошние достопримечательности. Такие, скажем, как старинный дворянский дом Тулиновых-Толстых, его четыре массивные колонны в стиле былого классицизма, прекрасный графский парк или знаменитая Баркова гора.

Шаталов время от времени приезжал сюда, чтобы исповедаться в здешнем почти трёхсотлетнем храме во имя Архистратига Михаила, называемом многими белым каменным цветком. На этот раз Георгий Владимирович провёл в храме почти полтора часа, общаясь со здешним настоятелем, своим старинным университетским другом, а теперь отцом Сергием.

Неизвестно, о чём они говорили, да и нет смысла докапываться, но одно понятно, что это была далеко не встреча однокашников. После неё Шаталов ещё долго бродил вокруг храма по здешнему кладбищу, переполненный волнующим осознанием высшего смысла жизни, каким его всегда одаривала встреча с отцом Сергием. Хотя говорили они о предметах разных, порой касались самых, казалось бы, бытовых мелочей, но из всего этого, как поднимается из чернозёма стебель пшеницы или ржи, поднималось для Георгия Владимировича понимание вселенской значимости всякого,

каждого человека, ибо пропащих людей не бывает.

Как обновлённый, впервые видящий этот мир, Георгий Владимирович потом долго стоял на Барковой горе, вглядываясь в безбрежные лесные дали за рекой Воронеж, среди которых торжествовали осенние тяжелоцветные, горделивые красно-бордовые и золотисто-серебряные сполохи.

Дома Георгий Владимирович прямо в обуви, нахватавшейся подошвами осенней грязи и листьев, в мокрой шерстяной шапочке, в столь же мокрой блестящей ветровке поспешно направился к книжным стеллажам.

Тут он без долгих поисков, на раз, с особым почтительным чувством вынул из тесных рядов книгу святителя Луки (Войно-Ясенецкого) «Я полюбил страдание...» На её затёртой обложке, на замятых страницах во всей очевидности присутствовали признаки того, что сей труд далеко не из тех, которые залеживаются невостребованными. На форзац-листах, на полях было множество цитат, в разное время старательно вписанных сюда Георгием Владимировичем с помощью самых разных подручных средств, какие только попадались ему под руку.

Георгий Владимирович не сразу нашёл ещё имеющееся свободное место и, пусть накосо, мелкими буквами записал так взволновавшие его в сегодняшнем разговоре слова батюшки: «Вера в Бога помогает сохранить

связь земного и небесного, придаёт существованию человека смысл».

Шаталов машинально перекрестился. Да, он не был атеистом, жизнь без веры невозможна для настоящего учёного, а он именно таким и был. Ибо в поисках высшего научного смысла в той или иной области, если настойчивому усердному исследователю повезёт глубоко копнуть в верном направлении, присутствие божественного начала само собой вдруг ощутимо объявится перед его растерянным взглядом. Иногда так ярко, волнуяще-радостно, что оторопь берёт. Как тут в этот миг без вдохновенной молитвы?!

Чем же провинилось ныне человечество, какой грех, не подлежащий замаливанию, свершило, что ему теперь так наглядно, во всей очевидности приходится видеть нелепый кульбит, когда ныне страны, некогда спасённые нами от фашизма, этот фашизм в его новом обличи сделали своей сущностной основой наряду со своими принципами похотливой свободы?

Словно в поисках ответа на этот сакральный вопрос, Шаталов бережно взял в руки фотографию деда Ильи. Эдак в году одна тысяча девятьсот семнадцатом некий фотограф запечатлел Илью Захаровича на венском салонном стуле в парадной унтер-офицерской форме с Георгиевскими солдатскими крестами 4-й степени. Весьма достойно и

благопристойно сидел этот потомок яицких казаков, скрестив ноги в яловых сапогах, улыбочиво морщинистых, пошитых по строгому правилу на прямой колодке и подбитых, как положено, берёзовыми гвоздями. Высоколобий, раскидисто бородатый и густо усатый дед важно опирался на боевую саблю в посеребрённых ножнах. Глядел на внука через многослойное время с поучительной уважительностью и одновременно — заботливым добродушием.

От этого снимка Шаталову-внуку всегда было трудно оторваться. В том виделось немало столь сложных и неразгаданных смыслов, много такого, что по новой открывает тебе самого себя и большой мир вокруг.

Унтер-офицер Илья Шаталов, в миру столяр-краснодеревщик, умер примерно через год после Октябрьской революции, в двадцать лет, отравленный немецким ипритом в окопах Первой мировой.

Само собой, внук реально, вживе деда никогда, кроме как на этом снимке, не видел. А вот жену его, девяностовосьмилетнюю бабушку Анастасию, как-то довелось, когда гостил у отцовой сестры, тёти Кати, лет сорок назад. Даже сподобился тогда Георгий Владимирович бабушку Анастасию, махонькую худышечку, лёгкости чуть более пера гусиного, перенести с дивана на кровать. Почему-то ему тогда на миг показалось, что,

если бабушка Анастасия ещё на минуту-другую задержится в его руках, так они вместе с ней запросто могут вдруг взлететь и начать плавно, зачарованно кружиться над родными ей местами, всё более и более набирая небесную высоту.

«Володенька, не урони, неси аккуратней, Володенька...» — шептала бабушка на руках у Шаталова-младшего голосочком с особыми, как бы уже неземными высшими интонациями, какие разве что от монахов можно услышать, кои на пути к спасению прошли немалый путь скорбей, тягот, лишений и поношений.

«Я Георгий, я Жора, внук ваш», — аккуратно переубеждал бабушку Шаталов.

«Хорошо, Володенька, хорошо. Как скажешь...» — смиренно улыбнулась бабушка не только всем лицом, улыбнулась и голосом, и всем тельцем своим невестомым.

Так бы и шёл с ней на руках и поныне Георгий Владимирович по жизни, и никаких бед в мире тогда бы не случилось, не посмели бы они, эти беды, перед бабушкой его Анастасией в дерзости и наглости так борзо объвиться.

Обратно в день нынешний Георгия Владимировича требовательно вернуло внезапно охватившее желание побывать на могиле Ильи Захаровича. За все свои семьдесят лет, словно промелькнувших мимо за окном вагона, он там ни разу не появился. Не

свелось как-то... Но вот, наконец, накатило неужель: надо ехать, не откладывая. Не то время на дворе, чтобы оставлять на завтра дела и заботы перво-статейные. Жизнь неизмеримо ускорила, словно во Вселенной чьей-то волей установилось новое, скоротечное время. И понесло тебя, как санки под горку в детстве, со снежно-льדיстого крутого уклона с непременными ямами — со скрипом, болтанкой и строго стегающим по лицу сердитым морозцем.

Ехать предстояло Шаталову не далеко, но и не близко — километров сто двадцать до хутора Пятиизбянного в Липецкой области, ныне доживавшего с тремя последними жителями своё окончательное время возле тощей речушки с весьма характерным названием — Косой ручей. А где и когда в землях русских вы, господа хорошие, видывали имя обжитого народом нашим места, чтобы оно звучало сухо, без особой, только ему одному присущей изюминки?

Навигатор или, точнее, некая навигаторша с заботливым красивым голосом старательно привела «волжанку» Шаталова к тому месту, откуда, как он определил ещё дома по карте, от главной трассы прерывистой ниточкой отпадает просёлочная дорога к Пятиизбянному. Возможно, когда-то она и была достаточно сносной грунтовкой, но сейчас представляла из себя самую настоящую чернотёмную размазю.

Слева и справа от такого гиблого пути, наверное, способного утопить в себе и танк, мрачным чёрным гуртом раскинулись до самого горизонта многие гектары мертвенно усохшего подсолнечника. Как видно, тяжёлые долгие дожди этой осени, как никогда расположенной к плохой, даже гадкой погоде, не позволили уборочной технике выйти в поле. Одним словом, битва за урожай закончилась здесь полным провалом, ещё не начавшись.

Так что автодорожные возможности награждённой хромированным стремительным оленем «волжанки» Георгия Владимировича были, очевидно, ничтожны перед подобными вселенскими хлябями.

— Сверните налево, а через триста метров сверните направо! — праздничным бодрым голосом повелела Шаталову смартфонская навигаторша.

— Да я здесь голову себе сверну! — в ответ ей натужно вскрикнул Георгий Владимирович, но тотчас озадаченно вздохнул и проговорил с очевидным смущением: — Прошу извинить меня за невольную резкость, но тут нужен вертолёт. Не менее того!

Он не шутил и не забавлялся, объясняясь со штурманом из навигатора, как с реальным человеком. Лет через пять после смерти жены Георгий Владимирович начал общаться с Алисой и женским голосом навигатора, словно с живыми. Вначале как бы в шутку, для, так сказать, юмора,

без которого жизнь одинокого семидесятилетнего мужика явно закиснет, а потом, погодя, незаметно втянулся в сей забавный процесс каляканья с электронными устройствами, пока и вообще с полной охоткой к нему не пристрастился.

Вдруг он увидел, что по дороге к нему подвигается гусеничный легендарный ДТ-75. Тот самый, который из-за достаточно объёмного топливного бака на левом боку получил в народе специфическое название — «Почтальон». Покинув лет пятьдесят назад заводские ворота эдаким румяным бодрячком, благодаря красному окрасу, он сейчас был основательно облупленный, какой-то измордовано-покорёженный из-за своей непростой сельскохозяйственной доли. Одним словом, трактор-старик, как у нас и полагается, выглядел замороженным донельзя.

За ним судорожно телепалась с металлическим грохотом и клацаньем раздолбанная кривобокая колёсная тележка. Самих её колес, вернее, лысых старых покрышек из-за глубины грязевой хлюпающей трясины видно не было. Она точно плыла по некоему густому вязкому морю. В ней на корточках притулились несколько человек, явно желавших одного: не вылететь наружу вверх тормашками.

Наконец, настырно упорный трактор, в пух и прах разрывая полевую грязюку, несколько

кособоко, но при всём при том победно взрыкивая, вывалился на главную дорогу.

Вдруг стало столь тихо, что можно было услышать, как в потревоженном чернозёмном мессиве сочно лопаются грязевые пузыри.

— Здравствуйте, люди добрые! — порывисто, со всей своей профессорской вежливостью прокричал Георгий Владимирович в сторону людей, которые мучительно выбирались сейчас из тракторной тележки.

Ни стоять нормально даже на ровном месте, ни слово вымолвить в ответ они явно не могли. Только глазёнками слезливыми помаргивали. Такая поездка, как говорится, душу из каждого вытряхнула. Теперь жди, когда она вернётся восвояси. И вернётся ли?..

Здесьшний разномастный народ, одетый во что ни попало, лишь бы задницу как-то прикрыть, ошалело и тупо глядел на высокую, элегантно тощую фигуру заведующего университетской кафедрой. Ухоженный, в заграничном чёрном кожаном пальто стотысячной стоимости и ненамного более дешёвых трендовых полуботинках «Оксфорд», Шаталов напоминал самое настоящее явление народу олигарха.

Георгий Владимирович широким жестом показал в ту сторону, откуда, словно из небытия, только что объявился безотказный и неприхотливый ДТ.

— Скажите, пожалуйста, там ли хутор Пятиизбянный? Или я по незнанию глубоко ошибаюсь в этом вопросе? — спросил Шаталов, явно стесняясь перед этими людьми своих профессорских витиевато-мудрёных интонаций.

Ощувившие, наконец, под ногами твёрдую, непоколебимую основу пассажиры тракторной тележки глядели на него с такой почти детской растерянностью, что ему показалось — ещё минута, и эта толпа растворится в воздухе, истаёт, потому что живёт насильно там, где нормальному человеку быть вовсе не полагается. Они виновато и недоуменно пытались понять, что сейчас так высокопарно проговорил им этот странный немолодой мужик из чёрной, с начальственным блеском сияющей «волжанки».

— Ну, там Пятиизбянное... А чего тебе?! — вдруг подозрительно отозвался за всех пожилой тракторист. Как будто отечески заступился за своих им же измученных пассажиров.

— Я еду на тамошнее кладбище, — поспешно объявил Георгий Владимирович. — Хочу посетить могилку своего дедушки Ильи Захаровича Шаталова.

— Мы только что оттуда, с похорон. Последнего пятиизбяшника земле предали... — вздохнул тракторист и трижды усиленно высморкался, резко отвернувшись от растерянно моргавшего Георгия Владимировича. — Видал, как мы ехали, будто по штормящему морю

рыскали? Твоя раритетная красота здесь всю свою красоту враз попортит. Да и сам ты нужную могилку никак не сыщешь. То, что когда-то называлось тамошним кладбищем, давно кончилось. Все кресты погнили, все холмики тамошние сравнялись с землёй. В общем, заворачивай оглобли подобру-поздорову.

— Понял, понял! Извините... — взволнованно, виновато отозвался Георгий Владимирович. — Зря, выходит, ехал? Нет, так не пойдёт. Это неправильно будет. Я обязан найти какой-то выход из всей этой фантазмагии! — Шаталов внимательно огляделся по сторонам. И его, кажется, осенило: — Условия вроде неподходящие... А коли других нет? И, может быть, оно и хорошо, что так, что именно так. Слово как символ всего доброго и прекрасного, но порушенного! В общем, господа, я предлагаю нам здесь и сейчас коллективно помянуть моего деда!

— Оно вроде и ничего... А почему бы нет? Если с душой, так по уму и будет всё нормально... — снисходительно усмехнулся тракторист и вдруг отчаянно-весело, чуть ли не в крик, гордо запел торжествующим, маршевым голосом. Голос был красивый, раздольный:

*Вновь богачи разжигают пожар,
миру готовят смертельный*

удар.

*Но против них миллионы людей:
армия мира всех сильнее!*

Мотив этой песни и слова были хорошо знакомы Георгию Владимировичу. Он в детстве всегда пел её (вернее, кричал взахлёб) с табуретки перед родительскими гостями на День Великой Октябрьской революции. Оно и запомнилось невольно на всю жизнь. А всего остального словно и не было.

— Прошу всех к моей машине! — когда умолкла песня, взволнованно, со слезой проговорил Шаталов. — Я достаточно взял и водки хорошей, и хорошей закуски.

Водка и закуска, в самом деле, оказались отменные. Особенно если учесть, что они, как на волшебной скатерти-самобранке, объявились среди здешних мертво-чёрных полей.

Тракторист, весело поморщившись, главенственно оглянулся на своих ездоков.

— Что скажете, народ?

— Оно бы не помешало... — тихо, глухо отозвались люди, словно медленно возвращаясь к жизни.

Некоторые как бы и улыбнуться хотели такой счастливой дармовой оказии, но ни у кого толком это не получилось. Как бы там ни было, но достойным поминкам не помешал ни вдруг напористо развернувшийся среди вольных просторов кручёный-верчёный ветрила, ни вновь начавшийся дождь: наш человек способен достойно помянуть в любых, самых неблагоприятных обстоятельствах, как погодных, так и иных прочих.

...Возвращаясь, уже у подъезда, как бы вдруг самостоятельно и предупредительно открывшего ему свою тяжёлую металлическую дверь, Георгий Владимирович неожиданно увидел в проёме человека. Вернее сказать, солдата.

Кто только не выходил за последние шестьдесят лет из этого дома. Само собой, жильцы, родня или просто знакомые, потом же почтальоны, слесаря, разные мастера на все руки, а также полиция, врачи, и даже однажды их посетил перед выборами самый настоящий депутат областной Думы.

Солдат в эти двери вышел впервые. Правда, прежде пропустив вперёд себя задиристо-счастливую девушку. Это была Анюта из здешней шестнадцатой квартиры. Из себя вся такая очень даже миленькая и, ко всему, романтично, пылающе рыжая. Отец её нигде не работал и устойчиво пил, мама была главным бухгалтером в какой-то религиозной секте — строгая, она держалась особняком, как и полагается человеку, достигнутому доступа к высшим силам и странного происхождения немалым деньгам.

— Здравсьте... — дерзко проговорила Анюта, не переставая вызывающе улыбаться.

— Здравствуйте! — вежливо, но строго, почти сурово проговорил солдат Шаталову.

Георгий Владимирович тотчас узнал в нём Гришу из той самой

квартиры, которую ему недавно пришлось посетить среди ночи.

— Простите ещё раз за всё, что тогда произошло. За Джека простите... — глухо проговорил солдат Гриша.

— Здравствуй, дорогой... — растерянно отозвался Шаталов, как бы даже любуясь сейчас этим молодым человеком в новой и так серьёзно смотревшейся на нём военной форме.

— Я повторно повестку получил. Понимаете, какую. И больше не стал чудить. Это наша с вами тогдашняя встреча так сказала. И смерть Джека. Вот идём сейчас с Анютой в ЗАГС. Мы два года встречались, а теперь решили перед моим отъездом в Донбасс больше не откладывать свадьбу на потом! — строго сказал Гриша.

— Быть добру! Милые вы мои! — душевно отозвался Шаталов и хотел обнять Гришу, но как-то это у него не получилось. Наверное, потому что сзади нетерпеливо напирала молодёжь, спешившая проводить будущих молодых супругов в ЗАГС.

Так что Шаталов и Гриша ограничились основательным мужским рукопожатием.

— Хватка у вас ещё мощная! — уважительно сказал Гриша.

Георгий Владимирович уныло отмахнулся.

Кстати, Шаталов читал недавно на новостном сайте, что воронежские ЗАГСы в связи со спецоперацией увеличили время своей работы и за несколько

дней в экстренном порядке уже зарегистрировали более восьмисот браков наших девушек с мобилизованными. В любом случае это число небывалое, многое что о себе говорящее.

«Здорово! По-настоящему! По-нашему! — с восторгом подумал Шаталов. — Как тут таких наших невестушек с подвигом декабристок вровень не поставить?!»

В подъезде Шаталов мельком глянул на свой почтовый ящик. Уже достаточно давно в том ничего не было. Раньше туда вполне активно всякие разные разносчики прессы и квитанций совали ни для чего не годящиеся газеты, брошюры. Теперь как отсекло. Всё и вся переместилось в интернет, а также на стены возле подъездной двери.

Тем не менее, на этот раз в ящике нечто смутно белело.

«Что это может быть? — безразлично подумал Георгий Владимирович. — Чушь какая-нибудь несусветная. Пусть там и валяется. До морковкина заговенья».

Только он, пройдя вверх первый пролёт, вдруг остановился.

«Я ничего не жду? Кажется, нет. А из Москвы? Из министерства? Может, какому-никакому иногороднему диссертационному совету я вдруг ни с того ни с сего потребовался? Маше явно и в голову не придёт слать отцу письма. Она, наверное, уже ручку разучилась в руках держать».

Он хотел идти дальше, но, вздохнув, медленно вернулся назад.

«А вдруг всё-таки Маша мне что-то настрочила, не доверяя интернету?»

В узком пространстве почтового ящика, свернувшись трубочкой, лежало нечто из весьма плохонькой второсортной бумаги. Таких неприглядных с виду извещений Шаталов отродясь не получал.

Он чуть ли не с брезгливостью развернул бумажку.

Это оказалась повестка из военкомата, предписывающая Георгию Владимировичу Шаталову незамедлительно явиться в районный комиссариат.

«Интересно, интересно... — напряжённо подумал профессор. — Чем я могу им быть сейчас полезен? Неужели туда уже нужны и бывшие полковые библиотекари?.. Или профессора потребовались? А почему бы и нет?»

Кто бы видел сейчас со стороны его короткую, почти мгновенную и явно глуповатую улыбку.

Повестку вообще-то должны были под роспись вручить лично ему. Шаталов это знал. Так что он имел полное право на такой документ из военкомата никак не реагировать.

«Нет-нет! — тотчас одёрнул он сам себя. — Глупости! Там у людей сейчас запарка. Какие претензии можно к ним предъявлять? Разве что посочувствовать».

Конечно же, я пойду. Не пристало мне подленько цепляться за буковку закона. Меня сегодня вон целый день не было дома! На могилу к дедушке ездить изволил. Вот бы этот человек из военкомата сидел на холодных ступеньках в подъезде и ждал невесть чего, как Алёнушка на картине Васнецова. Пойду, пойду! Немедленно. Если это и ошибка, надо всё равно помочь им разобраться. А вдруг я нужен там? Хотя бы как человек, знающий всё об авиационных двигателях! Это мой долг! Как ни умаляй — священный! В конце концов, я присягу давал!»

Немедленно пойти не вышло. На дворе — вечер, на седьмой час время перетекло.

Утром он прямой прямого эдаким молодцом стоял в кабинете ректора и восторженно рассказывал тому подробности всех обстоятельств с повесткой, включая, естественно, эксклюзивное поминание деда Ильи на границе какой-никакой цивилизации и непроходимого матёрого черноморского океана.

— Не горячитесь, дорогой Георгий Владимирович. Не горячитесь... — время от времени, пусть и сдержанно, но при всём том наставительно говорил ректор. — Я всё сам улажу. Не рвитесь в бой! Наши полковники с военной кафедры позвонят в военкомат и по-свойски недоразумение с вашей повесткой снимут раз и навсегда.

— Простите, дорогой Леонид Леонидович, а вот это делать как раз нежелательно! Весьма нежелательно... — вновь и вновь загорячился Шаталов. — Возможно, это мой последний шанс! Почувствовать себя причастным к священным заветам предков! Родина — мать, умей за неё постоять! Леонид Леонидович! В мои-то годы почувствовать себя полезным в борьбе с безумным врагом!

— Я разберусь, разберусь сам... — строго-сосредоточенно отвечал ректор.

Когда Шаталов шёл к себе, почти никто его в университетских коридорах не приветствовал: его просто-напросто не узнавали. Георгий Владимирович шагал с непривычным для него счастливым напором, а по лестницам взлетал вприпрыжку, играючи — студентов на раз оставляя позади. В аудитории никто из его студентов, собравшихся на лекцию о влиянии сверхзвука на конструкцию самолёта, не поспешил вставать. Как им было угадать своего любимого неспешного семидесятилетнего профессора, когда некто с юношеским румянцем на щеках и острым, прицельным взглядом не вошёл в аудиторию, а вбежал, ещё точнее — влетел?

Возвращаясь домой, Георгий Владимирович под напористым озорным влиянием переполнявшей его молодецкой, нет, даже мальчишеской активности

оставил «волжанку» на университетской стоянке. Он выбрал себе для обратного пути любимую с давних пор, ещё студенческих, дорогу — через здешний немалый, о двенадцати гектарах, дендропарк, нынче весь дерзко-рыжий из-за листвы осенних каштанов.

Вдруг на пути у Шаталова над головой золотисто-чёрная белка юрко перелетела на зависть всем цирковым мастерам с одного дерева на другое.

Он не удержался и побежал ей вслед. Она как бы играючи вела его в самую загадочную, чуть ли не таинственную парковую глубину. Как в иной, неведомый и такой заветный мир...

Белка не унималась и напористо, бросок за броском пронизывала парк своими азартными прыжками. И Шаталов, увлечшись, не отставал от неё. Про-

бежав так с полкилометра, он, наконец, сбавил напор, и прощально помахал белке рукой, и шумно отдуваясь, сел перевести дыхание на холодную мокрую скамью. Ещё и отодвинул в сторону от себя, как видно, оставшиеся после студентов пивные банки и пачку недоеденных чипсов.

Он откинул голову и улыбнулся небу...

Так, улыбающимся, его следующим утром и нашли в парке спешившие на первую пару студенты из здешнего общежития.

Узнав об этом печальном событии, военком, учитывая повестку, присланную Шаталову по нелепой ошибке, распорядился похоронить профессора на главном городском кладбище с воинскими почестями. С троекратным ружейным салютом.

И тот грянул...